

ПРИБАВЛЕНИЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

(ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ).

Листъ 1.

№ 13.

1910 года.

* ИДИТЕ И ВЫ ВЪ ВИНОГРАДНИКЪ ХРИСТОВЪ!

Привѣтствую васъ, добрые юноши—любимые питомцы Церкви Божіей, съ окончаніемъ курса ученія въ духовной семинарии и призываю Божіе благословеніе на вашъ жизненный путь! Сожалѣю, что, удерживаемый вдали отъ града Вологды долгомъ служенія Церкви и Отечеству, не могу лично сего сдѣлать, но утѣщаю себя тѣмъ, что могу поручить это моему добруму сотруднику во Христѣ—преосвященному Антонію.

И въ васъ, юные друзья мои, я хотѣлъ бы видѣть будущихъ нашихъ сотрудниковъ-сослужителей Церкви Вологодской; я васъ ждеть къ себѣ на служеніе наша матерь Церковь православная; и васъ съ ранняго утра жизни зоветъ къ Себѣ на святой трудъ Небесный Домовладыка: „идите и вы въ виноградникъ Мой, и что будетъ слѣдоватъ, дамъ вамъ“ (Мате. 20, 4). „Возведите очи ваши, глашаетъ Онъ, и посмотрите на винограды, какъ они побѣлѣли и поспѣли въ жатвѣ“ (Іоан. 4, 35). „Жатвы много, а дѣлателей мало“... (Лук. 4, 2). Эти слова Господни особенно властно должны звучать въ сердцахъ вашихъ сегодня, въ знаменательный для васъ день, когда открываются предъ вами двери изъ школы въ жизнь. Зоветъ Христостъ, зовемъ и мы: „выходите на ниву Божію, вступайте во дворъ овчій, становитесь на стражбу Господню, чтобы пасти словесныхъ овецъ Христовыхъ на пажитяхъ словесъ Божіихъ! Церковь Божія переживаетъ дни великихъ испытаній. Съ одной стороны просыпается совѣсть народная, измученная позорными явленіями послѣдняго времени въ общественной и государственной жизни; народъ жаждетъ слышанія слова Божія, онъ ищетъ Бога, толпами стремится туда, где чаетъ утолить эту жажду; съ другой стороны въ народную душу отовсюду грозными потоками врываются разныя, отравленные ядомъ сатанинскій гордыни лжеученія. Народъ ищетъ Божіей правды, а современные книжники и фарисеи

*) Изъ приложений къ № 24 Церковныхъ Вѣдомостей.

проходить море и сушу, чтобы обратить хотя одного простеца, а когда это случится, дѣлаютъ его сыномъ геенны, худшимъ, чѣмъ они сами (Мате. 23, 15). Противъ святой нашей вѣры, противъ Церкви православной возстали всѣ силы адова: нѣтъ ереси, нѣтъ раскола, которые не ополчались бы на Церковь Божію, которые не пытались бы расхищать Божіе стадо. И всѣ они стремятся подмѣнить основу нашего святаго православія — христоподражательное смиреніе — сатанинскою гордынею, любовь въ простотѣ сердца — лицемѣріемъ и ненавистію, послушаніе сыновнее — самочиніемъ, апостольское и святоотеческое преданіе — собственнымъ смышеніемъ и мудрованіемъ. Для насъ, пастырей, очевидно, что кому-то, — а кому, какъ не сатанѣ и слугамъ его? — нужно подмѣнить самое міросозерцаніе народное, исказить народную душу, похитить ея завѣтныя сокровища. Уже появляются лжехристы и лжепророки и, хотя еще и не творять знаменій и чудесъ, но уже прельщаютъ многихъ, дерзая говорить: „я — Христосъ!“ (Мате. 24, 5). И находятся невѣжды — увы! таковыхъ невѣждъ немало и среди такъ называемыхъ образованныхъ, — которые вѣрять имъ... Да, какъ это ни странно, друзья мои, какъ ни прискорбно, но приходится признать, что въ духовномъ отношеніи наши „интеллигенты“ иногда стоять несравненно ниже простыхъ безграмотныхъ женщинъ: въ горднѣй своей они не видятъ своей духовной слѣпоты и, подобно древнимъ фарисеямъ, всегда готовы говорить о себѣ: „ужели и мы слѣпы?“ (Иоан. 9, 40), тогда какъ простая женщина всегда готова сознаться, что она — темный человѣкъ. — Вотъ скорбя, кака яныч переживаетъ Христова певѣста — Церковь. Но — съ нею — Христосъ! Онъ обѣтовалъ, что врата адова не одолѣютъ ея (Мате. 16, 18). Онъ изрекъ Своимъ апостоламъ: се Азъ съ вами есмъ до скончанія вѣка (Мате. 28, 20). И вѣрно слово Его! Всѣ еретики и раскольники являлись и исчезали, а Церковь Божія пребываетъ то вѣки. Выходите же бодро на служеніе ей! Исходите въ срѣтеніе Небесному Пастыреначальнику съ горящими сердцами, какъ мудрыя дѣви исходили съ горящими свѣтильниками! Онъ ждетъ васъ, Онъ говоритъ: „идите и вы въ виноградъ Мой, и что будетъ слѣдоватъ, — получите!“ Онъ стойте у дверей сердца вашего: „се стою, глаголетъ, у двери и стучу...“ (Апок. 3, 20). Онъ Самъ будетъ въ васъ и черезъ васъ дѣлать въ виноградѣ Своемъ: только отдайте Ему свое юное сердце, свою волю! Воистину иго Его благо, и бремя Его легко (Мате.

11, 30). Воистину блаженны все входящие въ трудъ Его! Господь васъ да благословитъ! Аминь.

Ніконъ, епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Думы и заботы архипастыря *).

У кого что болить, тотъ о томъ и говоритъ. Въ Россіи имѣется 56 духовныхъ семинарій для приготовленія пастырей, а епископы озабочены недостаткомъ кандидатовъ священства. Семинаріи выпускаютъ студентовъ для высшихъ учебныхъ заведеній, акцізныхъ чиновниковъ, даже ветеринаровъ, а во священники изъ ихъ питомцевъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ едва ли идетъ одинъ изъ десяти. Приходится архіереямъ подбирать старичковъ-діаконовъ, не кончившихъ курса, псаломщиковъ, едва дотянувшихъ до 2-го класса семинарии, а въ приходы съ единовѣрческимъ населеніемъ и начетчиковъ, и ими замѣщать мѣста священниковъ по селамъ. Между тѣмъ, семинаріи выпускаютъ въ каждой епархіи столько „кончалыхъ“, что ими можно бы замѣщать сполна вакансіи не только въ своей, но и въ другихъ, еще не имѣющихъ семинарій, епархіяхъ. Что же это значитъ? Мождо ли мириться съ такимъ явлениемъ?

Благовременно подумать объ этомъ. Въ Сѵнодальныхъ канцелярияхъ работаетъ 16 комиссій, составляющихъ программы для будущаго устава духовныхъ семинарій; работаютъ спѣшно, а главное—какъ бы тайно: про крайней мѣрѣ, въ печати ничего не встрѣчаемъ мы о сихъ работахъ. Не я одинъ опасаюсь,—отъ многихъ епископовъ слышалъ я тревожное опасеніе, какъ бы не опустили изъ виду самаго главнаго,—чтобы семинаріи прежде всего давали намъ достойныхъ кандидатовъ священства. Не тревожное ли, въ самомъ дѣлѣ, явленіе: на Церковь Божію надвигаются со всѣхъ сторонъ полчища враговъ-еретиковъ, а ея духовные силы падаютъ, ея пастыри понижаются въ своемъ образовательномъ цензѣ, и, что особенно тревожно, въ нихъ постепенно гаснетъ та благодатная искорка ревности о служеніи спасенію ближняго, которою одной и жива Церковь Божія. Идеализмъ духовныхъ юношей куда-то улетаетъ. Помню, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, мои братья-семинаристы привозили съ собою изъ семинарии пачки тетрадей—запасъ проповѣдей, на случай, когда будутъ они священниками; помню, самъ я, учась еще въ духов-

*) Оттуда же.

номъ училищѣ, списывалъ себѣ цѣлые томы лучшихъ словъ и поученій, которыхъ мнѣ особенно ложились на сердце. У каждого изъ насъ была тайная мечта: „буду священникомъ, — пригодятся“. Конечно, мечта — ребяческая: нельзя же вѣкъ жить списанными проповѣдями священнику, надо же и самому — и это главное — умѣть сказать слово. Но тутъ важенъ не практическій результатъ, а то настроеніе, какое выливалось въ этомъ стремленіи запасаться проповѣдками. Въ душѣ питомца духовной школы жила мечта быть пастыремъ, въ его внутреннемъ человѣкѣ уже слагался идеаль служенія Церкви. Да въ юношѣ ли только? Не носили ли мы эту завѣтную мечту еще въ раннемъ дѣтствѣ, еще безсознательно? Не отражалась ли она еще въ нашихъ дѣтскихъ играхъ? Да простить намъ святая матерь наша Церковь наши дѣтскія крестныя хожденія съ досками и лопатами вмѣсто иконъ и съ гѣніемъ „Христосъ воскресе“: то не было кощунство, то было невинное въ сущности стремленіе скорѣе быть тѣмъ, чѣмъ были отцы наши... О томъ ли теперь мечтаетъ духовный юноша? Тотъ ли идеаль носить въ себѣ его душа? Увы, для семинариста стала болѣе привлекательною мечта быть „лопадинымъ докторомъ“, ветеринаромъ, чѣмъ пастыремъ и врачомъ душъ! Духовенство отдаетъ своихъ дѣтей въ духовныя семинаріи теперь больше потому, что это — даровая средняя школа, подготавлиющая на всѣ пути жизни, а не потому, что оно желаетъ повести дѣтей по своему пути служенія Церкви. Забываютъ отцы, что сами пытаются отъ Церкви, у Церкви же хотятъ взять средства и для образованія своихъ дѣтей, но отдать ихъ на служеніе ей — у нихъ и мысли вѣтъ..., развѣ неудачникъ выйдетъ, — дѣваться будетъ некуда. Я зналъ немало почтеннѣйшихъ протоіереевъ столичныхъ, которые отдавали дѣтей своихъ въ гимназіи, оттуда вели ихъ въ университеты, но не пускали ихъ по своей дорогѣ. Какъ будто духовная школа — это что-то низшее противъ свѣтской, нѣчто плебейское... А отъ столичныхъ батюшкѣ заражались такимъ взглядомъ какъ-то безсознательно и сельскіе, но, не имѣя средствъ воспитывать дѣтей въ гимназіяхъ, скрѣпя сердце, посыдали ихъ въ семинаріи, внушая все же, что будетъ время, когда они покинутъ путь сей и приступятъ въ университетъ, въ какой-нибудь институтъ и под. Не буду теперь говорить, подъ вліяніемъ какихъ причинъ слагались такие взгляды, такие стремленія; обычно говорили и говорятъ, что материальная необеспеченность духовенства ставила его въ унизительное положеніе предъ прихожанами;

всю жизнь смотри въ руки мужика, а въ городахъ — купца, барина, — обѣ этомъ скажу свое мнѣніе когда-нибудь послѣ, — теперь же отмѣчу, что баѣ будто и высшая духовная власть шла навстрѣчу такимъ стремленіямъ духовенства: наша семинарія на нашей памяти уже не разъ преобразовывалась и все въ сторону такихъ пожеланій. Вотъ и теперь царапается, уже вырабатывается реформа, но что она готовить намъ? Съ тревогой думаемъ мы, архіереи: даутъ ли намъ новыя семинаріи добрыхъ кандидатовъ пастырства? Зажгутъ ли въ сердцахъ семинаристовъ тотъ огонекъ, безъ котоаго пастырь есть пакостникъ который видитъ волка грядуща и бѣгасть? Обучать ли будущихъ пастырей „глаголомъ жечь сердца“, или, — если ужъ это не по силамъ современной школѣ, та, по крайней мѣрѣ, живымъ словомъ, правильнымъ, доступнымъ народу языкомъ, тепло и сердечно излагать истины вѣры въ противовѣсь лжеученіямъ, имѣніемъ неѣсть числа? Или по-прежнему будущій пастырь безъ тетрадки не сдѣлаетъ ни шагу? Познакомить ли, заставлять ли полюбить писанія духовно-нравственныхъ отцовъ и учителей Церкви? Сумѣютъ ли воспитать въ юношахъ — кандидатахъ пастырства вкусъ къ той священной литературѣ, которая служить украшеніемъ именно право лавной Церкви, — къ аскетическимъ твореніямъ отцовъ? Или, какъ было отъ дней ложнаго классицизма, заставлять ихъ долбить латынь и греческихъ языческихъ писателей? И латынь намъ нужна, и обобено греческій языкъ: но не стыдно ли школѣ нашей, что, обучивъ насъ (съ грѣхомъ пополамъ) языку Гомера, Ксенофonta, Горация и Цицерона, она забыла поучить насъ тому, что намъ нужно во сто разъ всѣхъ этихъ язычниковъ, — языку родной нашей церковной поэзіи, языку нашихъ прѣснопѣній и молитвъ, и мы, воспѣвая эти прѣсни, читая эти молитвы въ темномъ иногда переводѣ, не всегда уразумѣваемъ даже ихъ смыслъ, не говоря уже о дивныхъ красотахъ нашей церковной поэзіи, о глубокомъ значеніи нашихъ обрядовъ, способныхъ не только раскрыть глубину нашихъ догматовъ, но и воспитать въ душѣ нашей высшую степень эстетического чувства! Церковность... Да это вѣдь такая неистощимая сокровищница красоты, глубокаго богословствованія, дивной гармоніи всего, что способно воспитать душу для неба и дать сердцу счастье еще на землѣ, что нѣкто изъ духовно-нравственныхъ мужей не напрасно сказалъ: прекраснѣе нашей літургіи, а мы прибавимъ — и вообще нашего богослуженія въ его идеалѣ — мы, можетъ быть, увидимъ что-нибудь развѣ только

на небѣ... И вотъ, нашихъ духовныхъ школъ, будущіе пастыри Церкви всего этого лишаются... Да, лишаются, ибо то, что имъ дается взамѣнъ сего въ учебникахъ гомилетики, лингвистики и сродныхъ наукъ, способно только оттолкнуть ихъ своею сущью... А вѣдь это — будущіе воспитатели русского церковнаго духа въ массахъ народныхъ! Это — будущіе носители — для грядущихъ поколѣй идеаловъ церковныхъ! Куда мы идемъ? Впередъ ли? Не назадъ ли?.. И не потому ли множатся ереси и расколы, что сіи идеалы затмились въ сознаніи тѣхъ, кто долженъ быть ихъ носителемъ, что свѣтъ гаснетъ въ томъ, кто свѣтить долженъ, что вожди сами не видятъ тѣхъ путей, по коимъ должны вести народъ? Народъ инстинктивно ищетъ свѣта, но вместо ярко-горящихъ свѣтильниковъ во тьмѣ своего невѣжества встрѣчаетъ болотные огоньки — разныхъ лжеучителей и идетъ за ними... А гдѣ жетъ, кто свѣтить долженъ, кто долженъ показывать ему путь? Увы, часто они сами являются настолько неподготовленными къ своему святыму служенію, что боятся встрѣтиться съ какимъ-нибудь баптистомъ или штудистомъ... Жалкие пастыри! Вѣдь если бы не такъ, то зачѣмъ бы намъ заботиться о миссіонерахъ? Да каждый пастырь въ своемъ приходѣ и долженъ быть миссіонеромъ! Быгалось бы, ему должно быть стыдно передъ прихожанами искать помощи миссіонера! Миссіонеру место бы только въ средѣ невѣрующихъ, а не въ средѣ православныхъ. И вѣдь мы съ заботою спрашиваемъ: а принято ли это во вниманіе при составлѣніи программъ?

И вообще: что будетъ положено во главу угла при преобразованіи нашихъ семинарій? Дождемся ли мы, архиереи, когда будемъ уверены, что вотъ, наконецъ-то, у насъ есть школы, въ строгомъ смыслѣ пастырскія школы, изъ коихъ будутъ выходить закаленные бойцы-пастыри, не боящіеся волковъ, готовые отражать ихъ въ каждую минуту, готовые душу свою положить за овецъ стада Христова? Когда мы будемъ имѣть утвержденіе чувствовать, что мы не одиночка, что въ нашихъ епархіяхъ не десятокъ, а сотни такихъ бойцовъ, готовыхъ пойти всюду, куда мы поплемъ... А вѣдь для этого недостаточно перекроить старый уставъ, для этого надо смѣло, рѣшительно и громко заявить: семинаріи — для Церкви, для приготовленія пастырей, и другихъ цѣлей постороннихъ отпуть не имѣютъ. Годы ли будутъ семинаристы для университетовъ или не годы, — до этого намъ дѣла нѣтъ. Хочеть ли духовенство пускать дѣтей по

своей дорогѣ или не хочетъ, — это его дѣло. Если не хочетъ, то пусть ищетъ себѣ другія школы, пусть открываетъ — только не на средства Церкви, ибо она бѣдна, у ней па то нѣть средство, — гимназіи свои... Нѣть средствъ, — Церковь не виновата. Вѣдь па нѣть и суда нѣть. А намъ думается, что если въ семинаріяхъ будетъ вѣять духъ любви къ труду, если семинаристъ будетъ любить пастырскую науку, то полюбитъ и свое званіе. Питомецъ строгого выдержанной нравственной школы будетъ годенъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ жизни, если бы почему-либо не вступилъ онъ на тотъ путь, на какой готовила его школа. Не захочетъ онъ пойти во священники, пусть годъ-два подготовится и идетъ въ университетъ. Но пусть же напередъ знаетъ, что ради своей мечты измѣнить своему званію и призванію онъ долженъ будетъ потерять эти два-три года. Нужны и пользы Церкви важнѣе интересовъ отдѣльныхъ личностей, важнѣе мечтаний хотя и духовныхъ отцовъ, но нецерковнаго духа и ихъ сыновей. Мы переживаемъ время, когда рѣшается вопросъ: быть или не быть нашему народу православнымъ? Стоять или не стоять православію на Руси? Идти ли этой Руси своимъ, Богомъ ей указаннымъ, историческимъ путемъ, или же сбиться на пути развращенія и измѣнить завѣтамъ нашихъ отцовъ? И рѣшеніе этого вопроса главныѣ образомъ зависить теперь отъ того: будутъ ли у насъ добрые шастыри, или паемники? Будутъ ли наши семинаріи служить своей Церкви, которая ихъ питаетъ и грѣтъ материально, или же станутъ склонять колѣна на-право и на-лево? Всякое двусмысліе, всякое колебаніе, всякая сдѣлка съ совѣстю, уступка и соглашеніе съ духомъ времени — для Церкви опасны, а для народа русскаго — прямо скажемъ — гибельны...

Вологодскій епископъ Ніконъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

(Продолженіе).

Я уже имѣлъ случай выше замѣтить, что у насъ, на грѣтельніи отдаленіи въ риторикѣ не было наставника по предмету словесности, но не удалось сказать мнѣ до сего времени, что не было въ Вологдѣ и епископа. Преосвященный Іоакимъ Лебедевъ, переведенный въ Псковъ, выѣхалъ изъ Вологды 29 августа, а вновь назначенный на архіерейскую каѳедру въ Вологдѣ изъ Петербургскихъ викаріевъ преосвященный Христофоръ Еммаускій все еще не прибылъ. Ждали въ Вологдѣ епископа новаго, кажется до ноября мѣсяца, да не раньше прибыль и

нашъ новый профессоръ, только-что окончившій въ 1856 году курсъ въ Московской д. академіи съ степенью магистра, Анемполистъ Іоничъ Малекинскій. По происхождѣнію послѣдній былъ Вологодской епархіи Тотемскаго уѣзда Стрѣлицкой Спасопреображенской церкви діаконскій сынъ. А откуда былъ, по происхождѣнію, Преосвященный Христофоръ — не помню. По возрасту онъ былъ лѣтъ 60-ти, а по образованію кандидатъ Петербургской д. академіи. Этотъ Вологодскій владыка любилъ благовѣсть къ обѣднямъ долгій, не менѣе часу, служилъ не спѣшно, но и не тянувшись, проповѣди говорилъ по тетради, но молитву о наставѣ „призри съ небесъ, Боже! И виждь, и ѿсвѣти міноградъ сей, и утверди и, его же насади десница твоя“! — произносилъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ, такъ просто и выразительно, какъ никто изъ слышавшихъ мною епископовъ. Съ прѣбытіемъ новаго профессора (пора хотѣа теперь пояснить, что преподаватель семинарии со степенью магистра было официально усвоено званіе профессора, а со степенью кандидата — учителя, какъ и начальникамъ духовныхъ училищъ со степенью магистра — наименование ректора, а со степенью кандидата —смотрителя), преподаваніе нашей словесности оживилось. Появились новые записки, хотя и не особенно важныя, стали изучаться литературные образцы, рекомендоваться чтеніе и указываться подходящія книги, ну, словомъ, мы ожили и стали развиваться и поисывать маленькая изложение женщина описательный и повѣствовательный. А то надоѣло уже намъ составлять скучные шаблонные періоды и хріи, которыми угощали насъ почтеннѣйшій Павелъ Тимоѳеевичъ. Намъ стали завидовать наши товарищи, ученики первого и втораго отдѣленій риторики, гдѣ г.г. преподаватели словесности о. Фаветъ Александровичъ Ржаницынъ, и Алексѣй Ивановичъ Поповъ (по происхождѣнію зырянинъ) кандидаты Московской д. академіи, — также давали уроки Русскаго языка съ его литературой складистично и мертвѣ, по запискамъ „временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма“. А мы, ликуя, съ замираніемъ сердца слушали уроки своего новаго профессора, читали и писали. Да, Анемполистъ Іоничъ быстро двинулъ наше развитіе. Передъ святками въ наше время производились экзамены, и мы готовились блеснуть на нихъ своими успѣхами по словесности. Не помню, въ какой мѣрѣ это намъ удалось, во всякомъ случаѣ мы не посрамили ни себя, ни своего любимаго профессора. Но до святокъ было сдѣлано преосвященнымъ Христофоромъ посвѣщеніе семинаріи,

которое и послѣдовало въ нашемъ отдѣлѣніи на урокѣ Академіи диакона Гонича. Владыка вошелъ въ нашъ классъ, какъ и во всѣ другіе, въ сопровожденіи о.о. ректора и инспектора. Въ отвѣтъ на архипастырское благословеніе мы очень плохо и въ низкомъ тонѣ произѣли „ись полла эти, деспота“, почему владыка и отозвался обѣ насть: „о, какіе здѣсь пѣвцы! они напоминаютъ митрополичихъ пѣвчихъ стараго времени“. За первой партой стояли учевики, занимавшіе мѣста и здѣсь, какъ въ училищахъ, по успѣхамъ, въ порядкѣ списка Евграфъ Лаверьевичъ Проворовскій, Дмитрій Александровичъ Олеховъ, Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ, Александръ Дмитріевичъ Тюрнинъ, Павелъ Александрovich Кратировъ. Одинъ изъ нихъ, именно Поповъ, стоялъ въ дубленомъ тулуни, одѣтомъ на халатъ, подлюсанчий кушакомъ. Къ нему и удостоилъ подойти владыка, взялъ за кушакъ, посмотрѣлъ на тулуни и сказалъ: „ужъ надо-бы имѣть одежду здѣсь иную, почище! — А урокъ знаешь? Расскажи“. Удостоенный архипастырского вниманія ученикъ, безъ всякаго смущенія, сталъ разсказывать свой урокъ и заслужилъ одобреніе. Потомъ, по по-воду урока, предложено было вопроса по два отрывочно, другимъ двумъ ученикамъ изъ лучшихъ, отвѣтами которыхъ также остался владыка доволенъ и, благословивъ классъ общимъ благословеніемъ, удалился. А мы опять въ тотъ же тонѣ и также неумѣло затянули „ись полла“... Не взыщи грешокъ, владыка, лучше не умѣемъ,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Объ экзаменахъ какъ святочныхъ, такъ и годичныхъ особеннаго сказать нечѣ о. Они производились однимъ о. ректоромъ, при участіи только тогѡ преподавателя, по предмету котораго шелъ экзаменъ. Спрашивали учениковъ болѣею частію по одному предмету, а по двумъ, или тремъ въ исключительныхъ случаяхъ, хотя бы экзамены были и переводные. Спрашивали обыкновенно учитель о чѣмъ ему вздумается. Въ первые два года нашего обученія въ семинаріи билетовъ при экзаменахъ еще не было въ употребленіи. Немногихъ изъ малоуспѣшныхъ оставляли и на повторительный курсъ, а исключали только неисправимыхъ безобразниковъ по поведенію. А если ученикъ былъ хотябы и безталантный и малоуспѣшный, но благоравный и —трезвый, то для него была полная возможность закончить семинарское образованіе. Такъ, въ теченіе первого года моего обученія въ семинаріи и не случилось болѣе ничего особенного въ ней. Все шло тихо, спокойно, ровно, по установленному порядку. Но по-

звольте познакомить Васъ, мой дорогой читатель, хотя нѣсколько, съ нашю квартирною жизнью, въ которой кое-чѣмъ быть можетъ и заинтересуетесь.

Хозинъ и хозяйка нашей квартиры относились къ своимъ полувищимъ квартирантамъ очень добродушно и хорошо, что настъ даже нѣсколько удивляло. Удивляло настъ и то, что одинъ изъ Турундаевскихъ крестьянъ Иванъ Васильевичъ Сорокинъ, родной братъ и тогда уже известнаго купца Александра Васильевича Сорокина, доставлялъ намъ ржаную муку, не справляясь о томъ, въ состояніи-ли мы уплатить за нее деньги. Таковыми же казались намъ и Вологодскіе купцы, охотно уступавшіе намъ по временамъ, въ долгъ бумагу и перья. Наши родные Устюжане, способные прогонять метлою бѣдныхъ школьниковъ, не отнеслись бы такъ внимательно къ бѣднымъ семинаристамъ, какъ относились къ нимъ Вологжане. Одно настъ иногда обезкураживало нѣсколько. На глазахъ нашихъ въ свое время хозяева попивали чаекъ, въ которомъ мы уже знали вкусъ, а у настъ, увы, на чаекъ „грешей“ не было. Чтобы утолить свою алчбу и жажду, мы приоравливались въ это именно время кушать свою „холостую студень“. Крѣпко посоливши по ломоточку чернаго хлѣба и взявши одинъ изъ настъ ковшъ холодной воды, а другой какую нибудь чашку съ тою же водою, начинали и мы кушать словно-бы и чай, да съ такимъ аппетитомъ, что, помолясь за тѣмъ Богу, тотчасъ и пѣсенку споемъ такую напримѣръ иногда:

„На калинушкѣ соловьюшко сидить,
„Горьку ягоду калинушку клюеть,
„Горьку ягоду калинушку клюеть,
„Со малиною прикусываетъ.“

— — —
„Прилетали къ Соловью два Сокола,
„Заставляли Соловейка пѣсни пѣть.
„Ужъ ты пой, воспѣвай Соловей,
„При кручинѣ утѣшай молодца!...“

Тамъ и размычъ, бывало, мы свое маленькое горе, потомъ — и за учебное дѣло свое со всѣмъ пыломъ юныхъ силъ; Но случалось и иначе. Иногда нѣть въ кадкѣ воды, а вода уже нужна. Хозяйка Лизавета Павловна ходить, да приговаривается: — „этакое горе! надо-бы воды принести, а послать некого, водопоса дождаться не можно“. Видимое дѣло, что ей котораго-

нибудь изъ часъ послать за водой хотѣлось-бы, а совсѣмъ. Вѣдь какъ ни какъ, а ся квартиранты все-же семинаристы, хотя и бѣдные. Ну, и не выдержишь. Возьмешь коромысло и ведра и „айды“ на Вологду за водой. Не тяжелая и не грязная это была работа, но она впервыхъ требовала умѣнья ходить, чтобы не качались ведра и не плескалась вода, а во вторыхъ почему-то стыдно было чувствовать себя подъ ведрами съ водою, когда попадались добрые люда на встрѣчу. Особенно горяль я отъ стыда, когда попадалась мнѣ, водоносу, какая-либо изъ приличныхъ барышень, въ глазахъ которыхъ всегда читаль я не то изумленіе, не то неизрѣвное, но до глубины души сущавшее меня участіе, какъ будто такъ вотъ и скажетъ сейчасъ: „ахъ, бѣглый, молодой человѣкъ!—Въ какомъ ты странномъ положеніи!—Какъ тебя жаль!... Но и это забывалось, когда иногда хозяева, напившись сами чаю, скажутъ: „садитесь, молодцы, пейте, чай еще достаточно крѣпокъ и воды въ самоварѣ довольно“. Что же? Спасибо. Мы не ломались, садились, пили и благодарили. Но вспоминать, такъ вспоминать уже все. Развѣ какъ-го у насъ случились деньжонки, па которой и купили мы 5 пудовъ муки. Не прошло и полутора мѣсяца какъ хозяйка вдругъ объявила намъ, что муки у насъ нетъ. Не важные были мы хозяева, но смущились и почувствовали, что тутъ что-то не такъ. Сосчитали время покупки муки вѣстѣ съ хозяевами, нашъ счетъ оказался правильнымъ, почему хозяинъ и призналъ за лучшее поправить дѣло дипломатически.—Не ошиблась ли ты Лиза? Каково посмотрѣла? Посмотри—ка еще, сказалъ онъ своей супругѣ.—„Хорошо“, отвѣчала она, а потомъ сказала намъ, что она—молъ недосмотрѣла и извиняется, „муки еще довольно“. Вотъ и прекрасно! А былъ и такой случай. Какъ то среди зимы мнѣ батюшка прислалъ три рубля денегъ. Вечеромъ въ день получения ихъ кто-то пришелъ къ хозяевамъ посидѣть. Затѣмъ игру въ преферансъ, для которой недоставало четвертаго игрока. Не игравая никогда въ карты, кромѣ дураковъ, мельниковъ и своихъ козырей, я отъ игры въ преферансъ упорно отказывался, но отказаться не могъ. Успокоили, усадили, обучали, но такъ интересно, что всѣ мои 3 рублика за обученіе и взяли, Повѣсила я свою глупую головушку. Хозяину стало нехорошо. Онъ сказалъ мнѣ въ успокоеніе—„не тужи, выручу“, и потомъ дѣйствительно во многомъ и много мнѣ помогъ своими услугами. А пока—все же мнѣ пришлось питаться милостыней. Въ семинаріи

рассказалъ я своимъ близкимъ товарищамъ о томъ, какъ я безповоротно обанкротился и просилъ совѣта, какъ быть мнѣ дальше? У отца снова просить денегъ и думать было нечего, начальство—какъ известно, имѣющимъ родителей, хотябы и бѣдныхъ, воспитанникамъ не помогало, положеніе мое, по истинѣ, самое трагическое. Предстояло решать ужасную дилемму—или ходить по дворамъ, или выходить изъ семинаріи, для поступленія въ монастырь. Для меня это было страшное Гамлетовское—„быть, или не быть“! Вопрѣкъ этого рѣшили за меня мои добрые товарищи бурсаки и спасли глупаго картечника отъ гибели. По окончаніи классныхъ уроковъ, они шли въ столовую обѣдать, а мнѣ посовѣтовали ожидать ихъ возвращенія изъ столовой въ классѣ. По окончаніи обѣда человѣка два три изъ нихъ возвращались ко мнѣ въ классъ и приносили каждый изъ нихъ по ломтию хлѣба,—столько, сколько нужно было мнѣ на сутки. Погибавшій юноша, въ моемъ лицѣ, ожиль, даже больше,—онъ воскресъ и зажилъ опять припѣвающи и припѣвающи, пытаясь такимъ образомъ мѣсяца три. За то и возненавидѣлъ же онъ карты, на которыхъ лѣтъ 20 не могъ смотрѣть равнодушно. Живы ли вы, мои дорогіе друзья, мои спасители? Поглядите какъ, со слезою на глазахъ, вспоминаетъ вашу любовь святую, ваши неоцѣненные услуги спасенный нѣкогда отъ погибели вами, нынѣ уже 70-ти лѣтній старецъ, авторъ этихъ записокъ! Я помню Васъ, молюсь о Васъ, до сырой земли кланяюсь вамъ, живымъ и почившимъ спасибо вамъ, друзья, сердечное, вѣчное! Пришла весна. Понадобилась лѣтняя одежда, брючки, пиджаки, сапоги, да пожалуй и фуражка. Вотъ въ этомъ то случаѣ и оказалъ мнѣ покойный Яковъ Аѳанасьевичъ неоцѣненную услугу. Не въ осужденіе, сохрани меня Богъ, а ради истины и въ объясненіе дѣла, я долженъ сказать, что онъ не стѣсняясь, выпивалъ водочку и былъ знакомъ сѣвали не со всѣми сидѣльцами Вологодскихъ кабаковъ, у которыхъ всегда имѣлись будто-бы въ западѣ всякия безвозвратно пропитыя „золоторотцами“, по тогдашнему названію, вещи. Вотъ сюда-то и устремилъ мой двоюродный братецъ и хозяинъ свое заботливое вниманіе. И что же бы думали вы? Въ теченіе какого—нибудь мѣсяца, послѣ Пасхи, онъ обулъ и одѣлъ менѣ порядочно, буквально за безцѣнокъ. Вещь стоять 2 рубля, а пропита она за полштофа, т. е. за 30 коп. Дайте за нее сидѣльцу 50 коп. и вещь ваша. Такимъ образомъ въ теченіе 1856—1857 учебнаго года я просуществовалъ

валъ въ Вологдѣ, обулся и одѣлся за 20 рублей. А на лѣтнюю вакацію поѣхалъ на родину съ товарищами въ некрытой лодкѣ „зазеркалье“, уже въ качествѣ рабочаго, безплатно. Настроеніе даже у меня было приподнятое. Проучился я въ семинаріи уже годъ благополучно, расходами на меня много родителей, казалось, не обременилъ, обулся и одѣлся спокойно и, что всего дороже, удержалъ за собою третью иѣсто въ первомъ разрядѣ по списку. И всѣ мои маленькия непріятности начали забываться, только вспоминая картежную игру въ своемъ умѣ, я все еще продолжалъ содрогаться... Вѣдь что было бы со мной, если бы не нашли способа спасти меня отъ голода мои товарищи казенномкоштные,— и теперь подумать страшно! Я стоялъ надъ бездною, готовый погибнуть.— Ужасно.

Въ заключеніе этой главы моихъ воспоминаній, я долженъ еще разсказать объ одномъ не лишенному, думаю, некотораго интереса случаѣ. Случай этотъ—мое первое знакомство съ тогданической Вологодской земельностью,—протодіакономъ Александромъ Ивановичемъ Яблонскимъ. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, послѣ обѣдни (ранней) у Казанской, я и товарищъ мой Димитрій Басильевичъ сидимъ за книжками, готовя уроки. А въ соборѣ уже благовѣстили къ обѣднѣ. Вдругъ рѣзко отворяется въ нашу квартиру дверь и тотчасъ же раздается могучій голосъ протодіакона (это былъ онъ): „Испа дема?“—Его нѣть, отвѣчаетъ хозяйка.— „Такъ какъ же быть?“ говорить она.— Мнѣ надо-бы достать водки, опохмѣлиться.— Да у васъ есть семинаристы; господа, не сходите ли за полуштофомъ? Я сейчасъ же вызвался и пошелъ за водкой. Возвратившись на квартиру съ водкой, я нашелъ о. протодіакона сидящимъ за столомъ, пе-редъ нимъ стояла большая чашка, въ которую пакрошено было до верху чернаго хлѣба. Взявъ у меня полуштофъ со словомъ— „спасибо, Оля“, о. протодіаконъ вылилъ въ нее всю водку и, перекрестившись, столь же жестоко купилъ свое оригинальное блюдо и скучалъ все дочиста. Когда же кончилъ, то сказалъ: „вотъ теперь хорошо!—И опохмѣлся и повавтракалъ, теперь пойду скорѣе архіерея встрѣтить.— Пора уже. Спасибо.—Прощайте! Мы, никогда не видавшіе ничего подобнаго, но даже и не слыхавшіе рассказовъ о случаяхъ, подобныхъ ви-дѣнному, изумлялись и недоумѣвали, какъ онъ будетъ служить, и то съ архіереемъ. Мы думали, что послѣ того, что произошло на нашихъ глазахъ, скапдалъ въ сберѣ уже неизбѣженъ,

и тотчасъ же, въ слѣдъ за протодіакономъ, пошли въ соборъ. Простоявъ тамъ еще минуту 5, мы услышали звонъ „во вся“; служащее духовенство, по чину, вышло на встрѣчу Владыкѣ, отворилась дверь изъ коридора, вошелъ епископъ, а за нимъ и протодіаконъ съ совершенно яснымъ лицемъ и чистими глазами. Сматря на него, можно было подумать, что онъ не только сегодня, но цѣлую недѣлю водки и въ ротъ не биralъ. И вдругъ загудѣло по всему собору чтеніе входнаго „достойно есть.“ въ „до“ октавы, да какое чистое, могучее, че слыханное нами раньше! Мы однако думали, что его разбереть же паконецъ водка, и ошиблись. Такъ онъ и пе охмѣлѣлъ ни мало, но служилъ великолѣпно. Молитву на умовеніе рукъ прочиталъ и на этотъ разъ, какъ всегда въ „си“ октавы, а Евангеліе началь читать въ „до“ октавы же и окончилъ въ верхнее „ре“, такъ сильно и искусно сдѣлавъ заключительное „кресче и до“, что только нужно было удивляться. Итакъ мы ожидали скандала, а получили одно высокое художественное наслажденіе и были въ восхищеніи.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,—
Богатыри, какихъ ужъ нѣть.
Вздохнемъ о нихъ съ тобой поэть!...

Положимъ, вы въ правѣ замѣтить, благословленный читатель, что храмъ—не театръ, что не для эстетическихъ наслажденій, а для молитвы въ него ходать. Но я отвѣщаю: такъ, да не такъ! Во первыхъ, не будь этого, если угодно гиганта—грѣшника, мы не пошли бы въ соборъ къ обѣдамъ А потомъ, кто вами сказаль, что люди, плѣняющіеся силой чуднаго голоса и искусствомъ пользованія имъ, че умѣютъ Богу молиться? Если смыте утверждать, что, съ глубочайшимъ вниманіемъ прослушавъ всю Божественную литургію въ соборѣ и насладившись красотами церковной службы и пѣнія, мы не сумѣли ни на одинъ мигъ: проникнуться молитвеннымъ чувствомъ, то берите камни и побивайте насть. Но и побираемые мы говоримъ: вы ошибаетесь. Не судите же строго ни видимаго грѣшника, ни послѣдовавшихъ за нимъ въ храмъ Божій его юныхъ почитателей.

(Продолженіе будетъ).

Чѣмъ объясняется упадокъ вліянія духовенства на народъ?

Излишне говорить о томъ, насколько велики и како-бы были заслуги русского духовенства предъ своимъ отечествомъ и народомъ; это всѣмъ читающимъ отечественную исторію, достаточно известно. Болѣе или менѣе известно и то, что русское духовенство настоящаго времени значительно отличается отъ прежняго, что вліяніе его на народъ значительно умалилось въ послѣднее время. Является вопросъ: „чѣмъ объясняется этотъ упадокъ вліянія духовенства на народъ?“ Извѣстно, что наше духовенство не осталось вѣнѣ вліянія того умственного движения, которыемъ было охвачено русское общество въ началѣ 60-хъ годовъ, что духовенство оставалось равнодушнымъ къ тѣмъ искаинамъ истины, которыя такъ мучительно переживались и переживаются русскимъ обществомъ втечение послѣднихъ 30—40 лѣтъ. 60-е годы пронеслись надъ нами, какъ ураганъ. Характернейшая ихъ черта—матеріалистическое воззрѣніе на всѣ явленія міра тѣлеснаго и духовнаго. Душа, какъ самостоятельная нематеріальная субстанція, была отвергнута и признана „функцией головнаго мозга“; міръ признакъ не только безконечнымъ, но и безначальнымъ,—въ немъ ничего нѣть, кроме вещества и силы, кроме матеріи и движенія; все, что ни есть, можетъ быть разложено на первичныя частицы матеріи, служащія лишь точками приложенія силы. Идея морали не вышаго происхожденія, а самаго низшаго; она есть не что иное, какъ лишь здраво понятый эгоизмъ, который есть верховный и единственный двигатель жизни. Религія, съ ея вѣрой въ тайну творчества и въ откровеніе истины, была объявлена смѣшною; ея служитель считался умышленнымъ защитникомъ мрака, безмыслия и предразсудковъ и мертвой ритуальности. Идея Бога, Творца міра, Зиждителя жизни и ея нравственныхъ принциповъ, не только еспаридалась, но и объявлялась противорѣчащей истинному Энапю. Таково это ученіе, огладѣвшее умами въ надеждѣ достигнуть всеобщаго счастья безъ Божіей помощи, единственно лишь силою человѣческаго разума. Намъ нѣть нужды спаривать его, такъ какъ оно опровергнуто самою жизнью: не только не достигнуто счастья—ни всеобщаго, ни индивидуального, но потерянъ въ настоящее время и верховный элементъ счастья—душевный покой, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствуется безмыслиность и скуча жизни. Казалось—бы, что это счастье должно наступить именно теперь, когда разумъ человѣческій дѣлаетъ не слыханные, несмыслимые раньше успѣхи. А между тѣмъ никогда, кажется, еще не бы-

ло такого паденія правовъ, такой злобы и ненависти, такого всеобщаго взаимнаго недовѣрія, такой жажды грубѣйшихъ и сминыхъ низменныхъ удовольствій, какъ именно теперь.

Для духовенства страшно было не то, что духъ безвѣрія и преклоненія предъ материалистической философіей охватилъ все образованное общество; страшно было то, что этотъ духъ впопль въ умы не малой части самого духовенства; и оно само на себя стало смотрѣть, какъ на отжившее сѣдловіе, держащееся только народнымъ невѣжествомъ: оно само стало стыдиться своей расы; само съ равнодушіемъ и сомнѣніемъ останавливалось предъ алтаремъ, предъ которымъ благовѣйно священнодѣйствовало много вѣковъ, и преклонило свою маловѣрную главу предъ новымъ кумиромъ — материалистическимъ воззрѣніемъ на всѣ явленія міра. Вѣдь изъ среды самого духовенства вышли многіе бойцы за господство этого воззрѣнія и за изгнаніе изъ умовъ духа вѣры. Всѣмъ памятно время, какъ пустѣли богословскіе классы семинаріи, до какой степени наводнены были университеты и прочія свѣтскія учебныя заведенія семинаристами, а для священства и духовныхъ академій оставались юноши менѣе даревитые и менѣе энергичные; и только высшею властью остановлено было это движение. И все, что брало рису, сдѣгалось ея отъявленнымъ врагомъ, а все, что осталось въ рясѣ, почувствовало себя унижениемъ не только въ чужихъ, но и рѣдко въ своихъ собственныхъ глазахъ. Въ прежнее время, каковы бы ни были униженіе и несчастія духовенства, оно всегда понимало и сознавало, что совершаеть важнѣйшее дѣло въ человѣческой жизни, что оно владѣвть ключами отъ дверей высшаго счастья человѣка — „жизни будущаго вѣка“. А подъ вліяніемъ материалистической философіи оно пало духомъ и выронило изъ своихъ рукъ драгоценный даръ, переданный ему прошедшими вѣками, — вѣру въ исключительную важность своего призванія и въ чрезвычайную значимость совершаемаго имъ дѣла.

Ничто — никакія притѣсненія свѣтской власти, никакое презрѣніе образованного общества, даже непочтеніе собственной пачти, — ничто не можетъ сравниться съ этой потерей вѣры въ свое призваніе и въ свое значеніе для жизни. Въ этомъ именно, мнѣ кажется, и заключается главная причина упадка его вліянія на народъ.

Ученіе материализма отразилось на духовенствѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Естественнымъ послѣдствіемъ философскаго материализма было возникновеніе въ Европѣ экономического материализма.

ма. Какъ въ области явлений индивидуальной жизни стремились все объединять въ категорію дѣйствія безсмысленной силы ма мертвую матерію, такъ и всю соціальную жизнь стали сводить на чисто материальныя побужденія. Извѣстный немецкій экономистъ Карль Марксъ, — этотъ апостолъ экономического материализма, съ свойственной еврейскому уму категоричностью и рѣзкостью высказалъ принципъ, что „отъ способа производства материальной жизни находится въ полной зависимости ходъ общественности, политической и духовной жизни“. Этотъ принципъ, нигдѣ самимъ Марксомъ не обоснованный и никѣмъ изъ его послѣдователей не доказанный, тѣмъ не менѣе сдѣлался господствующимъ и руководящимъ началомъ при обсужденіи множества вопросовъ, между прочимъ и вопроса объ упадкѣ вліянія духовенства. Начали говорить и, къ сожалѣнію, само духовенство этому, кажется, начинаетъ вѣрить, что будто бы для того, чтобы усилить его вліяніе на народъ, необходимо улучшить материальное положеніе духовенства и что будто бы всѣ его недостатки и даже пороки происходятъ отъ способа его материальнаго обеспеченія. Я, конечно, не врагъ чьего бы то ни было благосостоянія, тѣмъ болѣе благосостоянія своихъ собратьевъ: но за величайшую ложь считаю мысль, что добродѣтель о условливается экономическимъ благосостояніемъ, а пороки — бѣдностью. Ни одной страницы нѣть въ исторіи, на которой было бы сказано, что богатые классы были добродѣтельны, а бѣдные — порочны; напротивъ, исторія подна примиѳровъ полнаго развращенія именно состоятельныхъ классовъ; примиѳры эти столь общеизвѣстны, что нѣть надобности приводить ихъ; и я позволю себѣ привести одно лишь Евангельское изреченіе, что „богатому труднѣе войти въ Царствіе Божіе чѣмъ верблюду въ игольныя уши“. Всё учение Христова обращено главнымъ образомъ къ бѣднымъ, обездоленнымъ, угнетеннымъ, и нигдѣ не сказано, да и не могло даже быть сказано, что они лишь тогда сдѣлаются добродѣтельными, когда разбогатятъ, или когда будутъ материально обеспечены. Эта теорія — прямая сресть, которую могъ выдумать только грубый материалистический духъ вѣка. Она противорѣчить всему духу ученія Христова, проникнутому мыслью о независимости души человѣка отъ матеріи и о превосходствѣ ея надъ тѣломъ, о ничтожности материальныхъ удовольствий, объ ихъ внутренней малоцѣнности, объ ихъ незначительности даже для земного счастія. И мы всѣ по личному опыту знаемъ, какъ мало это счастіе въ дѣйствительности зависить отъ такъ называемаго экономического обеспеченія“. Какъ счастливъ

и какъ силенъ тотъ бѣдякъ, въ которомъ есть живая вѣра въ Бога, который сохранилъ способность любить своего ближняго, и который имѣть надежду на правосудіе Божіе! И какъ, напротивъ, несчастенъ тотъ богачъ, который всего этого лишенъ! Такова должна быть церковная точка зрѣнія на значеніе для человѣка „экономического обеспеченія“; и во всякомъ случаѣ, съ этой точки зрѣнія, можно быть твердо убѣжденнымъ, что добродѣтель отнюдь не зависитъ отъ этого „обеспеченія“, равно какъ и порокъ не возникаетъ отъ его отсутствія. Исторія нашего духовенства вполнѣ и наглядно это подтверждаетъ. Всегда оно было бѣдно, всегда оно жило доброхотнымъ, неопредѣленнымъ и скучнымъ даромъ и никогда оно отъ этого не теряло благотворного вліянія на свою паству. Именно, будучи въ скучности и даже прямой бѣдности, оно и воспитало духъ русскаго народа, помогло ему побороть безчисленныхъ враговъ и съ запада, и съ востока, и создать великое государство, а что всего важнѣе—сохранило въ немъ позлобивое сердце и здравое пониманіе жизни. Спрашивается, почему же теперь духовенство можетъ благотворно вліять на народъ лишь подъ условіемъ, что оно будетъ материально обеспечено? Почему прежній пастырь, возвратившись съ пашни, или со скотнаго двора, могъ преподать своему прихожанину и поученіе, и утѣшеніе, и внушеніе; а теперь этому пастырю нужно для этого и комфортабельную обстановку, и полную независимость отъ прихожанина? Почему считается унизительнымъ тотъ способъ обеспеченія духовенства, который существовалъ много вѣковъ и былъ завѣщанъ самими апостолами?

Я не хочу быть ложно понятымъ и потому считаю необходимымъ пояснить, что вовсе не желаю оставлять духовенство въ бѣдности, а тѣмъ болѣе въ нищетѣ. Нѣтъ, это было бы не только несправедливо, но и ненужно. Бѣлое духовенство имѣть тѣ же нужды и заботы, какъ и всѣ простые міряне; и ему столь же естественно заботиться до извѣстныхъ конечно предѣловъ, о своемъ земномъ благополучіи, какъ и всѣмъ людямъ. Я утверждаю лишь, что отъ материального положенія духовенства совершенно не зависитъ его вліяніе на народъ: бѣдно оно или богато, оно одинаково будетъ вліятельно или неплательно (въ церковномъ, конечно смыслѣ), смотря по тому, какимъ оно духомъ будетъ одушевлено: если ему удастся возвратить себѣ вѣру въ исключительность и важность своего призванія учить народъ самимъ важнымъ и необходимымъ истинамъ, оно будетъ вліятельно и въ бѣдности;

если-же оно будетъ смотрѣть на себя лишь какъ на сословіе пред назначенное для выполненія церковной обрядности, если оно будетъ думать, что высшее руководительство жизнью принадлежитъ уже не ему, что изъ вѣка въ вѣкъ завѣщанія истины устарѣли и должны померкнуть предъ солнцемъ „соціализма“ и что истины вѣры нуждаются въ „согласованіи“ съ этой философией, то какъ бы духовенство ни было обеспечено, какъ бы благоприлично ни было его виѣшнее положеніе, оно никогда не возвратить себѣ былого вліянія на народъ, и даже потеряетъ то, которое имѣть нынѣ; и это будетъ для всего русскаго народа величайшимъ бѣдствиемъ.

Есть еще очень опасная сторона въ этомъ вопросѣ обезпеченіи духовенства. Какъ известно, въ теченіе всей нашей истории оно переживало вмѣстѣ съ народомъ и счастіе и несчастіе, между прочимъ, и потому, что благосостояніе его находилось въ прямой зависимости отъ благосостоянія народа, что, будучи въ массѣ своей сословіемъ сельско-хозяйственнымъ, оно на самомъ себѣ выучилось понимать жизнь народа, реально переживая его удачу и неудачу. Есть ли надобность прерывать эту нормальную связь духовенства съ народомъ и превращать его въ сословіе, по способу своего материальнаго обезпеченія чуждо народной жизни, и образовывать новый разрадъ чиновниковъ, въ каковыхъ духовенство можетъ обратиться при наличности ослабленія той его внутренней силы, какую даетъ ему сельско-хозяйственность? Встрѣтилась уже неотложная нужда обезпечить духовенство государственнымъ жалованіемъ въ виду уменьшения посюду натуральной доходности духовенства отъ прихожанъ, но и при этомъ способѣ содержанія духовенства не желательно лишить его земельныхъ участковъ, въ обработкѣ которыхъ духовенство, получая себѣ хлѣбъ, почертаетъ нравственную пользу и умѣніе нравственно воздѣлывать на народъ и сближаться съ нимъ. Самый крайній минимумъ въ владѣніи землею духовенства не долженъ итти далѣе того, чтобы оставить за духовенствомъ землю для воздѣлыванія сада и огорода и покосъ потребный для содержанія 2—3 коровъ.

Не мнѣ дано судить о тѣхъ способахъ, которыми можно поднять вѣру въ самомъ духовенствѣ; но если хотя въ малой мѣрѣ мои мнѣнія объ этомъ предметѣ правильны, то несомнѣнно, что это первѣйшій вопросъ не только для самаго духовенства, но и для всего русскаго народа. Ибо если дѣйствително въ

духовенствѣ ослабла вѣра, то ни о какомъ его моральномъ вліянії на народъ нельзѧ и помышлять.

А что народъ нуждается въ подъемѣ духа, въ возвращеніи ему прежняго простого, яснаго и теплого пониманія жизни, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. О темныхъ сторонахъ народной жизни, обѣ его апатіи, о развратѣ и нынѣствѣ писалось и пишется столь много и столь справедливо, что мнѣ труdnо чтонибудь къ этому прибавить. Я имѣю сказать нечто о страшной и все возрастающей численности внѣ—брака рожденныхъ. Не думаю, чтобы кто нибудь обвинилъ меня въ преувеличеніи, если я назову это явленіе самымъ опаснѣйшимъ и самымъ тревожнымъ симптомомъ паденія народныхъ нравовъ, особенно если сопоставить его съ безспорными и единогласными свидѣтельствами врачей о чрезвычайномъ и также все увеличивающемся распространеніи сифилиса въ деревняхъ. Я не потому называю это явленіе тревожнымъ и опаснымъ, что оно подрываетъ здоровье населенія, даже не потому, что оно составляетъ блудъ, а потому что оно совершается безъ всякаго стыда, что почти утрачено понятіе о грѣховности этого явленія, что оно не гозбуждаетъ ни тревоги, ни страха за будущее въ той мѣрѣ, въ какой оно этого заслуживаетъ. Всякое общество, kannъ бы оно кизко ни было, все еще можетъ считать себя не безнадежнымъ до тѣхъ поръ, пока здорова тѣломъ и душой женщина, такъ какъ въ пей лежитъ сила будущихъ поколѣній. Незримо для всѣхъ, незамѣтно для себя и для ребенка, она вливаетъ въ него цѣлый строй основныхъ понятій о Богѣ, жизни и природѣ, и безъ преувеличенія можно сказать, что мы хороши или дуры по стольку, по скольку хороши или дуры наши матери. Кавъ высоко цѣнила прежде женщина свое цѣломудріе, какъ это было согласно съ требованіями христіанства, съ ея материнскимъ инстинктомъ, съ интересами всего народа и всего общества—материальными и нравственными! Теперь не то: женщина прежде всего теряетъ стыдъ, перестаетъ цѣнить свое цѣломудріе и начинаетъ смотрѣть на огнѣшнѣе къ мужчинамъ съ точки зрѣнія кратковременнаго полового удовольствія. И мужчина отвѣчаетъ ей тѣмъ же, — иначе началь се меныше цѣнить и уважать и также началь смотрѣть на нее лишь какъ на предметъ удовольствія. И матъ и отецъ, случайно сшедшіеся и столь же случайно расходящіеся, безъ чувства отвѣтственности за свою связь, естественно начинаютъ смотрѣть на дѣтей не какъ на благословеніе Божіе, не какъ на источникъ радости и чувства нравственнаго удовле-

творенія, а какъ на величое бремя, которое слѣдуетъ носить съ себя сбросить, или всѣми способами сдѣлать его, въ ущербъ дѣтей, болѣе легкимъ и безответственнымъ. Неудивительно, что подрастающее поколѣніе постепенно дѣлаетъ и становится все болѣе и болѣе лишеннымъ нравственныхъ принциповъ, живой любви къ какому бы то ни было идеалу, и не далекъ отъ насть край той бездны, въ которую упала современная Франція, столь блестящая, столь образованная, столь даровитая нація и вѣвестъ тѣмъ не находящая въ своей средѣ даже просто честныхъ людей.

Можно бы перечислить всѣ недостатки и пороки современ-
наго русскаго народа и показать, что корень ихъ лежитъ въ
одномъ—въ потерѣ народомъ чуткости къ религіозно—нравствен-
ному идеалу и въ упадкѣ его духа. Какая же великай задача
лежитъ на духовенствѣ именно въ настоящее время, когда отъ
подъема этого духа, отъ возбужденія въ народѣ прежняго, про-
стого, чистаго и радоетнаго возврѣнія на жизнь зависитъ все
будущее Россіи! И невольно напрашивается вопросъ,—выполнитьъ
ли наше духовенство эту задачу, сослужить ли оно вновь своей
родинѣ ту службу, которую оно столь смиренно и столь достой-
но несло въ теченіе 10 вѣковъ?

Хочется вѣрить, что въ клире нашемъ еще живъ тотъ
духъ, который оживляетъ его и весь народъ русскій, что времен-
ное затиеніе умовъ, которое такъ ослабило и ослабляетъ истори-
ческое значеніе духовенства, пройдетъ, такъ какъ во всемъ мірѣ
чувствуется полная неудовлетворенность материалистической
философіей и все возрастающее убѣжденіе въ ея теоретической
несостоятельности и практической беспособности ни разрѣшить
вѣковѣчныя проблемы человѣческаго духа, ни устроить земное
человѣческое счастіе. Хочется вѣрить, что самое пониманіе этой
истины и послѣдовательное примѣненіе ея ко всѣмъ вопросамъ
жизни могло бы показать духовенству, что оно—це только не
потерявшее своего значенія, какъ учить современный соціализмъ,
сословіе, но напротивъ, оно есть именно тотъ классъ общества,
который, при искреннемъ и строгомъ отношеніи къ своему долгу,
скорѣ всего можетъ вывести нашъ народъ изъ состоянія нрав-
ственной апатіи и придать его жизни то радостное и бодрое
возбужденіе духа, которое, доставляя само по себѣ счастье, вмѣстѣ
съ тѣмъ есть залогъ всякаго успѣха.

Священникъ Николай Соболевъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Вологодская Губернская Земская Управа доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что Вологодское Губернское Земство съ 1-го юля 1910 года открываетъ страхованіе движимыхъ имуществъ.

Желающіе страховать свое имущество приглашаются обращаться за справками и разъясненіями въ Страховой Отдѣлъ Управы, къ г.г. страховыми агентами губернского земства, въ уѣздныя земскія управы и волостные правленія.

НОВАЯ КНИГА.

Священникъ Михаиль Васильевичъ Поповъ († 1909, X, 20).

Съ 7 портретами и 4 снимками.

Некрологъ проф. Н. Н. Глубоковскаго.—Рѣчи и слова (о. В. Ф. Ржаницына, о А. Н. Копосова, о. Л. М. Быстрова, В. М. и Н. М. Поповыхъ, о. Н. М. Круглова, А. И. Фалалѣева) при встречѣ, отлѣваніи и погребеніи священника М. В. Попова.—Скорбной памяти Кобыльского пастыря въ памяти о. М. В. Попова Стихотвореніе И. М. Петряшева.—Пастырь добный. Проф. А. А. Бронзъва.—Автобіографія о. М. В. Попова.—Два поученія послѣдняго о его покойномъ родителѣ.

Вологда. 1910 г. 1—54 стр. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Складъ издаваія у проф. Н. Н. Глубоковскаго (Спб. Невск. 180, кв. 5) и въ редакціи Волог. Епарх. Вѣдом. Дух. семинарія.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ П. ЮРГЕНСОНЪ

(Москва, Неглинный пропользъ 14).

Кастальскій А. Пещное дѣйство. Старинный церковный обрядъ. Для хора и баса—соло. Изложено по сохранившимся въ рукописяхъ напѣвамъ—цѣна 1 р.

Никольскій А. Неизмѣненія иѣспопѣнія изъ весеннаго бдѣнія. Ор. 26.—Девять №-ровъ. Партит. 2 р., гол. 1 р. 60 к. Покаянія отверзи ми двери. Ор. 7 № 1. Парт. 50 к., гол. 40 к..—На рѣкахъ Вавилонскихъ. Ор. 7. № 2. Парт. 40 к., гол. 20 к.

Панченко С. Ор. 54. № 1. Благослови душа моя Господа. Для литургіи. Греческаго роспѣва Парт. 30 к., гол. 20 к..—№ 2 Слава и вѣнѣ. Единородный Сыне. Малая эктенія. Кіевскаго

роспѣва. Парт. 30 к., гол. 20 к.—№ 3. Во царствіи Твоемъ. Парт. и гол. по 40 к.—№ 4. Милость мира. Кіевскаго роспѣва. Парт. 30 к. гол. 20 к.

Соколовъ Н. I. Свѣтѣ тихій. Для 3 голоса.—Парт. 20, гол. 15 к.—2. Стихира преп. Сергію, 3: Стихира всѣмъ святымъ, 4. Иисусъ отпращающій (тенор соло и хоръ), 5. Хвалите имя Господне (для мужск. гол.). Ц. кажд. №-ра парт. по 30 к. гол. по 20.—7. Кондакъ св. Саввѣ Сторожевскому. (Для 3 однор. гол.) парт. 20 к. гол. 15 к.; 8. Кондакъ Алексію чел. Божію, 9. Коадакъ мучен. Трифону. Парт. по 30 к., гол. по 20 к.—10. Херувимская, № 1—парт. 40 к.. 11. Тоже № 2.—30 к., 12. Тоже № 3.—Парт. 30 к. 13, 14, 15, 16. Милость мира. 4 №-ра 1—40 к. 2—30 к., 3—20 к., 4—40 к.—17. Задостойникъ на Богоявленіе Господне—30 к.,—18. Царю небесный—30 к. 19. Пречистому Твоему образу.—30 к. Голоса №№—съ 8 по 19-й—по 20 к., 20—Что Ты наречемъ—для 3 однор. голосовъ.—парт. 20, гол. 15 к.—21. Не имамъ ишыя помощи.—30 к., гол. 10 к.—22. Да исправится молитва моя. 30 к., гол. 25 к.

3—3

О БЪЯВЛЕНИЯ.

Товарищество Н. Л. ШУСТОВЪ съ С-ми извѣщаєтъ:

что складъ въ г. Вологдѣ, нашего натурального Церковнаго вина, извѣстнаго своимъ высокимъ качествомъ, и представительство на продажу только въ Виноторговлѣ Т-го Д-ма И. А. Первушкина С-вей прот. Александр. сада, въ домѣ Свѣшникова.

Прейс-Курантъ.

№ 51 за $\frac{1}{4}$ ведра 2 р. 50 к.
” 54 ” — 3 ” — ”
” 55 ” — 3 ” 50 ”
” 56 ” — 4 ” — ”
” 57 ” — 5 ” — ”

Покупающимъ ящиками или
не менѣе ведра скидка.

Требовать разливъ фирмы въ $\frac{1}{4}$ бутылкахъ, за которые взимается по 25 к. за штуку и принимается обратно по той же цѣнѣ, упаковка, кроме ведерокъ въ зимнее время, безплатно.

КОНТОРА
П. К. МЫЛЬНИКОВА
въ Ярославлѣ

Рождественская ул. домъ № 43 Кожеловской.

Производство асфальтовыхъ, цементовыхъ, бетонныхъ работъ, цементовыхъ лѣстницъ, свод въ и выгребныхъ ямъ—устройство въ церквяхъ плиточныхъ половъ Харьковскаго завода Бергенгейма и др. работъ. 10—6

С о д е р ж а н і е:

1. Идите и вы въ виноградникъ Христовъ.—2. Думы и заботы архипастыря.—3. Воспоминанія причетническаго сына.—4 Чѣмъ объясняется упадокъ вліянія духовенства на народъ.—5. Объявленія.

Редакторъ Ив. Суворовъ.

Вологда Типографія Губернскаго Правленія. 1910 г.

КАТАЛОГЪ

КНИГЪ ДЛЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

(Продолженіе.)

Смирновъ И. прот.	Исторія Христіанской Православной Церкви. 1902. СПБ . . .	1 —
Смирновъ С. П.	Препод. Сергій Радонежскій и Троицкая Лавра его времени . . .	— 20
Снессорева, Софія.	Земная жизнь Пресв. Богородицы и описание Св. Чудотворныхъ ея иконъ. СПБ. 1898. . . .	3 —
—	Русская странница Дарьюшка разск. съ ея словъ. СПБ. . . .	— 50
Соловецкій.	Патерикъ съ рисунк. 1873. . . .	1 50
Тихомировъ П. прот.	Сказание о Новгородской Чудотв. Св. Иконѣ Знаменіе Божіей Матери. 1902.	— 60
Толстой М. графъ.	Разсказы изъ исторіи русской Церкви	3 —
Филаретъ (Гумилевский) арх.	Житія Святыхъ (на русск. яз.) чтимыхъ Правосл. Церковію. Въ 12 книгахъ.	15 —
—	Исторія Русской Церкви. . . .	3 —
Цвѣтковъ С.	Отецъ Иоаннъ Кронштадскій . . .	1 —
	Четырь—Миней--на Славянск. язы- кѣ въ 12-книгахъ. Сунодальн. изд. — —	— —
	Четырь—Миней--на Русск. языкѣ.	— —
Прологъ.	Собраніе житій, страданій и чудо- твореній. 2 кн. Церк. печ. въ листь въ кожѣ	9 50
C.—C.—ий.	Жизнь и труды св. славн. и всехв. 12-ти Апостоловъ, 70 меньшихъ апостоловъ и проч. равноост. благо- вѣстниковъ Христіанскихъ м. 1894.	— —
И. Остроумовъ. Кончиловичъ.	Святыни нашего Сѣвера. . . .	— —
	Бытовые очерки современной Па- lestины	— —

Е. Поселяпинъ.	Святая дѣти русскія и дѣтскія годы русскихъ святыхъ. Изд. Учил. Сов. при Св. Суп. 1906.	—
Преображенскій И.	Разсказы изъ жизни русскихъ Императоровъ, Императрицъ и Вел. Князей. СПБ. 1900.	—
Архангеловъ С. Свящ.	Житіе и чудеса Св Благов. Вел. Кн. Аны Кашинской. СПБ. 1909.	60
Изд. Т-ва Сытиковъ	Свят. Благов. Вел. Княгиня Анна Кашинская, Москва, 1909.	—
Ніконъ Еписк.	Житіе и подвиги Преп. и богоносн. отца нашего Сергія игумена Радо- нежскаго. Цѣпа лучш. изд. 2 руб. или	1 —
—	„Троицкій Патерикъ“ сказаніе о св. угодн. (числомъ до 92-хъ)	1 60
<i>IV. Книги общаго религіозно-нравственнаго содержанія.</i>		
Амфитеатровъ Я.	Бесѣды объ отношеніи Церкви къ Христіанамъ. СПБ. 1900.	— 50
Антоній игум.	Вѣчные загробныя тайны . . .	— 45
—	Духовное сокровище о любви къ Богу и ближнему	— 45
—	Пьянство и куреніе табаку и ихъ вредные послѣдствія	— 15
Бажановъ В. Б.	Воинъ христіанинъ	— 5
—	Воскресный день	— 5
—	Нравоучительныя повѣсти для дѣтей	— 25
—	Объ обязанностяхъ христіанина.	— 30
—	О вѣрѣ и жизни христіанской.	— 10
—	О Религії	— 60
—	Пища для ума и сердца . . .	1 —
—	Примѣры благочестія изъ житій святыхъ	— 25
Бахметева А. Н.	Бесѣды Спасителя Притчи Го- сподни	— 15
—	Чудеса Господа нашего Иисуса Христа	— 15
—	Благодатная святыня горы По- чаевской	— 15
Бобровъ А. свящ.	Разговоръ священника съ крестья-	

Богословский М.	Нищомъ по поводу суеты. сказанія „Сонъ Богородицы“	— 10
	Богогласній или собраніе на- божныхъ съсобѣній 1900	— 30
Богословскій С. свящ.	Приготовленіе къ исповѣди и благовѣйному причащенію Св. Христовыхъ таинъ	— 60
Бояковскій С. свящ.	Благодатная сила св. таинства Елеосвященія 1901	— 3
—	Загробное состояніе душъ умер- шихъ	— 7
—	Крестные ходы и ихъ значеніе.	— 7
—	Сватки, очерки	— 8
—	Хлѣбъ жизни сборникъ поуч. чтеній	1 25
Бѣлоцѣптовъ А. прот.	Кругъ поученій	1 50
—	О сквернословіи	— 2
Введенскій Д.	О смерти дѣтей	— 20
	Состояніе душъ послѣ смерти до всеобщаго воскресенія 1902	— 30
Вениаминъ арх.	Новая скрижаль	2 —
Виссаріонъ еп.	Голосъ пастыря	1 —
—	Духовная пища	1 —
—	Духовный свѣтъ	1 20
Виссаріонъ еп.	Изъясненіе молитвы Господней.	— 15
—	Сборникъ для любителей духов- наго чтенія	2 —
—	Сборникъ для назидательного чтенія	1 —
—	Черты христіанского ученія	1 —
—	Братя и сестры	— 4
—	Вдовство	— 4
—	Гордость	— 4
—	Грѣхи чувствъ	— 4
—	Доброе имя	— 2
—	Дружба	— 3
—	Духовное завѣщаніе	— 5
—	Женщины и невѣсты	— 4
—	Изреченія слова Божія распо- лагающія къ показанію	— 2
—	Изъясненіе краткихъ изреченій употребл. при Богослуженіи	— 4

Лица безбрачныя	4
Многочадіе и безчадіе	3
Нѣчто о вечерийкахъ и балахъ	4
Отчимы и мачихи, пасынки и наядчицы	4
О тѣмсныхъ дѣйствіяхъ при Богослуженіи и молитвѣ	3
О христіанскихъ именинахъ	4
Вискаріонъ еп. Костр. Радость и скорби родителей о дѣтяхъ	2
Раздоръ между мужемъ и женой	4
Свекрови и невѣстки	6
Святость брачнаго союза.	4
Овротство	4
Старость	7
Убогіе.	4
Утѣшеніе и совѣты людамъ живущимъ въ бѣдности (за 25 бро- шюре — 91 коп.)	2
О грѣхахъ невѣдѣнія	6
О грѣхѣ осужденія близкихъ	3
Равеск. изъ первыхъ вѣковъ христіянства	10
Свѣтлое и Тёмное.	20
О святыхъ таинствахъ правосл.	
Церкви	40
Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу	30
Разговоръ священника съ при- хожаниномъ противъ лѣченія заго- ворами	15
День святой жены	30
Дни богослуженія правосл. католич. восточн. Церкви въ 2 т. СПБ.— 1901. изд. 10-е	3 —
О говѣніи по уставу право- славной Церкви	50
Попеченіе правосл. церкви о спа- сении мира	2 —